

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО, ЛЕНИН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Е.М. Кожокин

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Казахи, узбеки, таджики, киргизы, туркмены в XIX в. оказались подданными Российской империи, в начале XX в. они стали гражданами Советского Союза и одновременно гражданами союзных республик, протогосударственных образований, в значительной степени предопределивших то, что в 1991 г. образовались новые независимые государства: республики Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан и Туркменистан. Сейчас во всех этих государствах идёт развитие государственных идеологий, основы их уже созданы и представлены, прежде всего, в выступлениях, статьях, книгах президентов этих стран. Государственные идеологии, по мнению правящих элит постсоветских государств, должны включать в себя и такой важный компонент как национальная история.

В старых членах Европейского союза сейчас в историографическую моду вошло разрушение «национального романа». Так обозначили давно сложившееся историческое повествование о пути становления и развития нации и государства в таких странах как Франция, Германия, Италия... Необходимость формирования общеевропейского, точнее общесовского сознания, а с другой стороны – стремительное укрепление нового регионализма стимулировали отказ от привычного движения «от Хлодвига до наших дней» (если взять в качестве примера и модели французскую историографию).

В странах Центральной Азии (в XIX и XX вв. вплоть до 1990-х гг. этот регион называли Средней Азией, поэтому, говоря о прошлом, наверное, правильнее использовать термин того времени) конституируют именно то, что в западно-европейской историографии стали называть «национальным романом». Центральноазиатские национальные варианты служат концептуальной основой при написании школьных и вузовских учебников. Внедрение идеологических конструктов через систему образования осуществляется повсеместно. Важно, однако, чтобы при этом научная составляющая не уничтожалась идеологической индоктринацией.

Создание нации и сохранение её идентичности – процессы тактично, а нередко и достаточно топорно поддерживаемые, стимулируемые и контролируемые государством.

Не вызывает сомнения неизбежность и практическая необходимость конструирования «национальных романов» в новых государствах. Но хочется обратить внимание на некоторые методологические и одновременно ментальные ловушки, которые существуют на поле изучения историй народов Средней Азии в период их пребывания в составе Российской империи.

Ключевые слова: Центральная Азия, «национальный роман», историография, историческая политика.

Всё старшее поколение историков постсоветских стран изучало самым серьёзным образом труды В.И. Ленина. Публицистический талант В.И. Ленина проявлялся, прежде всего, в исключительном даре убеждения. Даже те люди, которые радикально поменяли свои убеждения, не редко остаются под влиянием его резких, запоминающихся формулировок. В итоге парадигмы ленинских текстов оказываются вписанными в методологический инструментарий вовсе не марксистской направленности. В государствах, возникших на территории бывшего СССР, ленинизм отвергли, но не осмыслили. Идеи наследие В.И. Ленина остаётся по сей день большей частью вне теоретического рассмотрения и в итоге вне создаваемой интеллектуальной истории России и других стран, вышедших из лона СССР. То, что начинал делать Михаил Яковлевич Гефтер ещё в советское время (вспомним сборник статей «Историческая наука и некоторые проблемы современности»), не нашло продолжения. Если не считать переведённой с французского с большим опозданием книги «Несостоявшийся гражданин. Русские истоки ленинизма» Клаудио Ингельфрома, находившегося в молодости, в годы написания книги под большим влиянием М.Я. Гефтера.

Возвращаясь непосредственно к нашему сюжету, отметим, что Ленин утверждал, в частности, в статье «О праве наций на самоопределение»: в Российской империи «угнетение ... инородцев гораздо сильнее, чем в соседних государствах (и даже не только в европейских)». В той же статье им, правда, также выдвигался тезис, «что развитие капитализма и общий уровень культуры нередко выше в «инородческих» окраинах, чем в центре государства» [10, с. 271]. На противоречие между первым и вторым тезисом Владимир Ильич не обратил внимание. Когда он писал про более высокий уровень культуры, то, скорее всего, имел в виду остзейские губернии и Польшу.

Идею о том, что Российская империя являлась «тюрьмой народов» Ленин проводил последовательно и неуклонно. В отличие от Сталина Ленин никогда не изучал обстоятельно национальный вопрос в России, он располагал некоторой информацией о ситуации в Польше, в балтийских губерниях, в Финляндии. В Польше и Финляндии он даже некоторое время жил. Про Среднюю Азию знал совсем немного. Тем не менее, формулировка о «тюрьме народов» распространялась, конечно, и на Среднюю Азию. Эта запоминающаяся формула являлась гранью в политической концепции российского государства как такового. Ленин развивал и продолжал нигилистическую традицию в подходе к российской государственности. Осмысление бюрократических практик, особенностей управления инородческими окраинами в России конца XIX – начале XX в. происходило, но эти труды не попадали в поле зрения

читающей публики. Взгляды интеллигенции на собственное государство формировались под влиянием оппозиционной публицистики и собственного опыта, в котором преобладали отрицательные моменты, позитив же если и имелся, то быстро вымывался из памяти. Ещё А.И. Герцен в пятидесятые годы XIX в. с болью констатировал: «Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школой. Вопиющая несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нём всякое уважение к законности. Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно: и совершенно так же поступает правительство» [6, с. 113-114].

Ленин чутко улавливал склонность русского народа к крайностям: либо долготерпение с почтением к начальству и особенно к царю, либо бунт, Ленин теоретически обосновывал и готовил бунт. Он решал конкретную политическую задачу, но так как задача была решена, его методология обрела статус научности, в российском варианте - непогрешимости.

Квинтэссенцией ленинского отвержения российского государства стал его эпохальный, чудовищный лозунг «превратим войну империалистическую в войну гражданскую». Но у этого лозунга была своя интеллектуальная предыстория.

В начале русско-японской войны в звании к русскому пролетариату, написанном Лениным, но размноженным за подписью ЦК Российской Социал-демократической рабочей партии, говорилось, что «все силы народа подвергаются величайшему напряжению, ибо борьба начата нешуточная, борьба с 50-миллионным народом, который превосходно вооружен, превосходно подготовлен к войне, который борется за настоятельно необходимые, в его глазах, условия свободного национального развития» [9, с. 170]. В.И. Ленин отнёсся с пониманием к устремлениям Японии, политкорректно умолчав, какой социальный класс в Японии особенно нуждался в «условиях свободного национального развития» на территориях Кореи и Китая. Императорскую Японию он даже причислил к свободным нациям: «Это будет борьба деспотического и отсталого правительства с политически свободным и культурно быстро прогрессирующим народом». Хлесткие, но очень странные формулировки предлагал лидер большевиков. Началась война между двумя странами, но одну – свою собственную, Ленин определял как «деспотическое и отсталое правительство», а державу, вступившую в военный конфликт с его родиной, обозначал как «политически свободный ... народ». Мышление Ленина нередко отличалось беспощадной логикой, в этом же случае – откровенная подмена, если не сказать подтасовка понятий. Методо-

логическое напёрстничество и это тоже часть нашего интеллектуального багажа.

Российская государственная бюрократическая машина отличалась большой закрытостью, что с одной стороны, обеспечивало условия для коррупционной составляющей, для больших и малых взяток, с другой – в автократическом, самодержавном режиме чиновник был подотчётен только вышестоящему начальству, которое также не должно было знать ничего лишнего. Поводов и причин для гиперкритического отношения было достаточно, в то же время часть российских бюрократов не только в военном и дипломатическом, но и других ведомствах отличалась высочайшим профессионализмом, не уступая своим европейским коллегам. Этих людей и их деятельность российские нигилисты из числа интеллигенции не хотели видеть.

В своём воинствующем антигосударственном Ленин был не одинок. У него были предшественники. А в 1916-1917 гг. это страшное поветрие в значительной степени охватило армию¹. Антигосударственный подход в России в разных обликах существует и по сей день.

Гражданин кантона Тессин Микеле Бакенини (Михаил Бакунин) провозглашал на Конгрессе Лиги мира и свободы в Женеве в 1867 г.: «Не заботясь о том, что подумают и скажут люди, судящие с точки зрения узкого и тщеславного патриотизма, я, русский, открыто и решительно протестовал и протестую против самого существования русской империи. Этой империи я желаю всех унижений, всех поражений в убеждении, что её успехи, её слава были и всегда будут прямо противоположны счастью и свободе народов русских и не русских, её нынешних жертв и рабов» [3, с. 100].

Посеянное Лениным и Бакуниным остаётся в политической и интеллектуальной культуре Москвы, Ташкента, Киева, Бишкека... В настоящее время нередко происходит неосознанный перенос гиперкритицизма по отношению к современному российскому государству на его исторического предшественника в лице Российской империи. Гиперкритицизм, конечно, очень политкорректный термин, мягкое определение интеллектуального феномена, который более точно можно назвать новым нигилизмом или воинствующим антигосударственничеством. Только в новых независимых странах это антигосударственничество направлено против чужого государства. Но нужно поставить прежде вопрос - было ли это государство чужим?

Шестого марта 1885 г. генерал-майор Султан Чингис-хан, награжденный за храбрость и

личную отвагу, проявленные в сражении под Плевной, золотой шашкой, сын хана Букеевской орды, казах, мусульманин, совершивший в ноябре 1880 г. паломничество в Мекку и Медину писал: «Если наши окраины до сих пор верны и спокойны, то единственно потому, что до сих пор наше Правительство не затрагивало свободу туземцев в их религиозной и бытовой жизни. Сохранение за туземцами их религии и обычаев составляет такую силу, которую Правительство всегда может пользоваться в прямых интересах Государства, и наши окраины будут навсегда верными и преданнейшими сынами Отечества» [2, с. 71].

Другой российский генерал Константин Петрович фон Кауфман в отчёте о своей деятельности на посту туркестанского генерал-губернатора писал: «Приняв в основу своих взглядов и действий идею веротерпимости, отличающую издревле политику русского государства и укрепившуюся особенно в царствование Императора Александра II, я в то же время считал своей обязанностью отклонить решительно все попытки со стороны уфимского, татарского духовенства и духовенства здешних больших городов – организовать и поставить на твердую официальную почву мусульманские религиозные учреждения. Я удалил указанных мулл, присланных из Уфы, по распоряжению тамошнего главного муфтия, отменил все начатые до меня официальные сношения наших властей с мусульманскими туземными учреждениями и устранился, даже отступив от буквы временного Положения 1867 г., от признания и утверждения новых вакуфных пожертвований. Но, не предоставляя таким образом туземному и татарскому духовенству никакой официальной иерархической роли при новом порядке управления краем, я в то же время не позволил себе и ввести в необходимый надзор местной администрации над тёмной деятельностью этого вредного класса наших подданных ничего такого, что могло бы быть в народном сознании сочтено за гонение или угнетение нами господствующего в стране вероисповедания, убеждённый, что гонения, как и покровительство туземной духовной корпорации со стороны русского правительства, лишь послужили бы одинаковым образом к несогласному с интересами нашими возвышению действительного влияния и значения мусульманского духовенства» [8, с. 8].

Участвовавший в военных действиях на территории Средней Азии, а затем служивший под началом Кауфмана в управлении Туркестанским генерал-губернаторством генерал

¹ Генерал Брусилов, патриот своего Отечества высочайшей пробы, с болью от неизбывной трагедии писал о настроениях солдат накануне Революции 1917 г.: «Как на Западном, так и на Северном фронтах я нашёл войска безусловно небоеспособными. Они желали лишь одного – мира, чтобы отправиться домой, ограбить помещиков и жить свободно, не платя никаких налогов ни податей, не признавая никакого начальства. Вся солдатская масса потому и ударилась в большевизм, что была убеждена, что только именно в этом состоит программа большевистской партии. Ни о каком коммунизме, ни об интернационале, ни о делении на рабочих и крестьян они не имели ни малейшего понятия...» [5, с. 298].

■ Критические исследования

А. Куропаткин отмечал в своих воспоминаниях: «Полная незлобивость русского офицера и солдата позволяла нам и в Азии, как только кончался бой, относиться к покорённому населению человечески. Все старые счёты с побеждённым противником считались поконченными. Он становился русским подданным и нашим младшим братом. Его вера, жизнь, имущество, обычаи уважались. Ему оказывалось доверие. Начальствующие лица подавали пример оказания доверия побеждённому врагу». Характеризуя организационные принципы генерал-губернаторства, Куропаткин писал далее: «Туземное осёдлое население Средней Азии привыкло к сильной власти беков и других правителей, объединявших, по полномочию от эмиров и ханов, в своих руках власть военную, административную и судебную, - он называл в качестве принципов следующие - нераздельность власти военной и административной и соединение её в крае в одних руках; предоставление внутреннего управления туземным населением по всем делам, не имеющим политического характера, выборным из среды самого народа, применяясь к его нравам и обычаям» [18].

Конечно, в ходе военных действий и в первые дни после их окончания жестокости в отношении местного населения неизбежно совершались. Военное, технологическое превосходство России над среднеазиатскими государствами было очевидным. Но совершенно нехарактерным для россиян было ощущение какого-либо человеческого превосходства. Местные люди отличались по языку, культуре, вере, но россияне имели привычку к таким различиям в своей среде. «Иные» для них не означало «низшие». Боевой офицер, участник штурма Ура-Тюбе в своих записках, описывая бытовые, походные условия жизни, роняет фразу: «Совершенный недостаток столов и стульев составляет причину, почему в здешних обедах приходится не сидеть, а лежать так, как это делали наши праотцы и как теперь делают наши братья - сарты» [7, с.190].

Высказывания современников свидетельствуют в пользу того, что в Российской империи на новых присоединённых территориях «туземцев» (так называли в то время местное население, и данный термин не заключал в себе уничижительного смысла) стремились превратить в полноправных подданных. Правда, у различных категорий подданных имелись различные права и различные привилегии, равенства перед законом в Российской империи не было как такового ни на одной территории. Главное – никто из новых подданных российской империи не оказывался поверженным в правах.

Духовные учреждения мусульман не преследовали и не поощряли, их просто отделяли от государства. На присоединённых территориях создавалась единая, централизованная, но не однотипная система управления. Как справедливо отмечается в книге «Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления (М., 1997), подготовленной Институтом истории РАН, становление и развитие российской гражданской и военной системы управления в Казахстане и Средней Азии имело свои региональные и локально-территориальные особенности [7, с. 323].

Российское государство действовало на международной арене вполне в соответствии с духом времени, в своей политике ничем принципиально не отличаясь (если мы говорим об азиатском направлении) от Великобритании или Франции². Подавляя вооружённое сопротивление Российская империя не действовала, например так, как поступил китайский император в отношении джунгар. В 1751 г. власти над Джунгарией добивался контейша (князь) Амусарана. Не надеясь достигнуть цели своими силами, он обратился за помощью к китайскому императору, который направил в Джунгарию свои войска, обеспечившие победу Амусараны. Но тот, опасаясь своего мощного союзника, разгромил помогавшие ему китайские части, а затем опустошил ближайшие провинции Поднебесной. Гневу императора не было предела. В 1756 г. войско Амусараны было разбито, он сам бежал в Сибирь. А китайцы прошли всю Джунгарию «огнём и мечом», истребив почти всё население (около миллиона человек), не разбирая ни пола, ни возраста. Лишь небольшая часть западных олютских племен смогли бежать на Волгу на территорию современной Калмыкии [13, с. 147].

Отличия России от других европейских держав скорее имелись в политике на территориях, оказавшихся уже под контролем российского государства, эта политика превращалась из международной во внутреннюю, именно внутреннюю, а не колониальную. Колониальную политику Российская империя не выработала. И об этом стоит говорить не как о заслуге, а как об особенности, наверно, связанной в целом с особенностями государственной философии и национальной культуры.

Имелось несколько матриц включения нового населения в состав подданных Российской империи. После присоединения юга теперешнего Казахстана, включая города Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент был создан Особый комитет по Средней Азии, куда вошли представи-

² В одной из официальных нот на имя Ф.И.Бруннова, посла России в Соединённом Королевстве, министр иностранных дел Великобритании лорд Рассел писал: «Я признаю цели русского правительства вполне законными. И в целом я всегда стоял на стороне цивилизованной державы против варварской страны. Мы сами действовали в Индии в силу непреодолимых обстоятельств, которые нередко заводили нас дальше, чем мы могли предположить заранее» [14, с. 35].

тели Военного министерства, Министерства иностранных дел, военного командования в Средней Азии, генерал-губернаторы Оренбурга, Западной и Восточной Сибири. На территории Ново-Кокандской и Сырдарьинской линий, от западной оконечности озера Иссык-Куль до Аральского моря создавалась Туркестанская область. Её военным губернатором с особыми полномочиями был назначен генерал-майор М.Г. Черняев [4, с. 81].

14 июля 1867 г. Александр II издал указ об образовании Туркестанского генерал-губернаторства, которое включило две области: Сырдарьинскую и Семиреченскую. Унификация управления происходила постепенно. Лишь в случае восстаний и бунтов правительство стремительно демонтировало сохранявшиеся элементы традиционной, доимперской государственности.

Казахские жузы, будучи включёнными в состав России, сохранили многие элементы самостоятельности. Довольно долго оставались ханская власть, институт султаната, система родоправителей-старшин, суд биев и кочевая аульная община. Ханы имели свои дружины и в период военной опасности могли собирать народное ополчение. Вплоть до начала XX в. казахи сохраняли освобождение от рекрутской и соляной повинностей.

В 1822 г. была введена система избрания султанами старшего султана. Он имел чин майора российской службы и являлся чиновником, поставленным во главе местного правления. За десять лет службы старший султан получал дворянское звание.

«Устав о сибирских киргизах» (на самом деле речь шла о казахах, этноним казахи гораздо более позднего происхождения) разрешил им селиться внутри империи, поступать на государственную службу [12, с. 323-323]. В то же время, осуществляя постепенное включение казахов в российское подданство, императорская власть вела дело к ликвидации привилегий султанов. У казахских султанов был выбор, который может быть символизирован двумя фигурами: генерал-лейтенанта Султана Чингис-хана, награждённого орденами Св. Анны 1 и 2 ст., Св. Станислава 1 и 2 ст., Св. Владимира 3 и 4 ст. золотым оружием с надписью «За храбрость», Румынским Железным Крестом, Черногорскою золотой медалью за храбрость, сербским орденом Такова. Именно он писал, возражая против непродуманной реформы... «Эти «наши Бисмарки» не понимают того, что из туземцев можно веревку свить – только не трогай его веры, его обычаев, его обычного порядка жизни. Наша до сих пор политика в управлении туземцами очень близко им известна, и потому туземцы понимают хорошо, что желает Правительство. И так как наша миссия в Средней Азии еще не окончена, то мне кажется, еще рано развешивать карты в особенности перед соседними народами не-

зависимых владений. Я думаю, что, если соседние племена будут убеждены, что под русским орлом живется хорошо их бывшим сородичам, что наше Правительство нисколько не стесняет их в делах религии и обычаев, то распространение нашего влияния и на те народы будет быстро расти и они сами добровольно, сознательно и с любовью примут верноподданство нашему Обожаемому Монарху» [2, с. 72].

Другой путь и другая никак не менее сильная личность – султан Кенесары Касымов, он воевал с Кокандским ханством, объединил под своей властью многие роды Среднего Жуза, Младшего и Старшего Жуза. Он был воином, политиком и дипломатом, умел не только идти вперед и рисковать, но и находить компромиссы. Тем не менее открытое восстание против российских властей, закончилось для него в 1846 г. пленением и казнью.

Особенностью Российской империи, и в этом ее кардинальное отличие от Британской и Французской империй, было часто практиковавшееся осуществление на присоединенных или присоединяемых территориях более либеральной политики, чем в историческом центре. Во Франции и Великобритании пространство гражданской свободы на протяжении XIX – начала XX вв. неизменно расширялось, но этот процесс шел, прежде всего, а нередко и исключительно в метрополиях. Русское правительство либеральные реформы осуществляло вначале на национальных окраинах – на территориях Великого княжества Финляндского, Польши, в Лифляндии, Эстляндии: Эти факты совсем не укладываются в схему взаимоотношений метрополии и колоний, Россия присоединяла территории, но не превращала их в колонии. Иначе говоря, хотя и Россия, и Великобритания в XIX – начале XX в. являлись империями, но это были империи совершенно разного типа. И в Средней Азии российское правительство шло на некоторые шаги, которые в центре считались еще несвоевременными.

Согласно договору России с Бухарой, заключенному в 1868 г. К.П. Кауфманом, в Бухарском ханстве запрещалась работоторговля. Договором также предусматривалось предоставление права покупки недвижимости, свободы торговли всем бухарским подданным без различия вероисповедания. В то время как в самой России продолжали действовать нормы, дискриминирующие евреев.

Согласно «Положению об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г. «туземные евреи» пользовались одинаковыми правами наравне со всем коренным населением, в частности, получили право покупать недвижимое имущество. Столь благоприятная для евреев правовая ситуация привела к тому, что в Туркестанский край стали приезжать евреи из Афганистана, Персии, Хивинского ханства, Индии, которые также объявляли себя «туземными», в то время как между ними были даже персидские

■ Критические исследования

подданные, принявшие мусульманство. Процедура обретения российского подданства была несложной: достаточно было предъявить свидетельства из полиции о давности жительства и месте рождения, при хаотическом состоянии (а нередко и полном отсутствии) архивов и всегда находившихся необходимых «свидетелях», получить документ не составляло большого труда [16, с. 176-177].

Для понимания особенностей отношения российского государства к новым подданным следует отметить, что в составе Уральского казачьего войска помимо русских, татар, башкир, калмыков были и казахи. В составе Сибирского казачьего войска также имелись казахи. В Семиреченском казачьем войске наряду с казахами имелись и киргизы.

В этом плане подход Российского императорского правительства имел сходство с подходами Британской империи. Как известно колониальная армия в Британской Индии в своём составе имела значительное количество индийцев. Правда казачество было особым привилегированным сословием, своего рода народной аристократией. Таким образом, царское правительство включало представителей «колониальных» народов в состав дворянства и казачества почти сразу же после присоединения их территорий. Нерусских, нехристиан называли туземцами, инородцами, но не рассматривали как чуждый элемент, который можно было лишать собственности, а тем более жизни вследствие экономической, политической или социальной необходимости. Расизм, являвшийся долгое время важным компонентом политической культуры и влиявший существеннейшим образом на государственную политику США (в меньшей степени западноевропейских держав) был нехарактерен для Российской империи.

Для лучшего понимания российской политики в Средней Азии в контексте политических и нравственных установок XIX в. имеет смысл её сравнивать не только с политикой Великобритании и Франции в их азиатских и африканских колониях, но и с политикой США в отношении индейского населения. И русские, и американцы не создавали колонии, а интегрировали присоединённые территории, но совершенно разными методами и с разными целями. Изъятие земель у индейцев – вот цель в достижении которой американская нация оказалась единой. И если вопрос о предоставлении гражданских прав неграм, не имевшим никакой собственности, привёл к гражданской войне и к получению афроамериканцами гражданских прав, то вопрос о гражданских правах индейцев просто не поднимался на протяжении всего XIX в.

Результатом политики американского государства, в лице его президентов, Конгресса и армии явилось почти полное исчезновение многочисленного «туземного», индейского на-

селения вследствие физического уничтожения в ходе военных действий и вымирания в резервах, непредназначенных для нормального существования людей, а тем более их развития, куда их силой сгоняли, лишая права на сохранение привычного уклада жизни. О предустановленной судьбе индейцев, предустановленной белыми американцами, гражданами на тот момент самой демократической республики, говорилось публично и со всей откровенностью. Во вполне уважаемой местной газете Daily Leader (штат Вайоминг) прокламировалось: «Богатые и прекрасные долины Вайоминга предназначены для того, чтобы быть заняты англо-саксонской расой. Богатство, которое на протяжении несказанного количества веков, лежит спрятанным под снежными вершинами наших гор, было помещено туда Провидением ради того, чтобы вознаградить за смелость духа тех, кто составляет авангард цивилизации. Индейцы должны отойти в сторону или они будут сметены все время наступающей и все время возрастающей волной иммигрантов. Судьба аборигенов прописана словами, смысл которых однозначен. Тот же неумолимый Верховный Судья, который вынес вердикт, предписывавший падение Рима, предназначил к исчезновению краснокожих людей Америки» [17, с. 180].

Численность туземного населения под российским управлением не только не уменьшалась, а неуклонно увеличивалась. Имеется оценка прироста численности кочевого населения Киргизского края (местное кочевое население состояло почти исключительно из казахов – киргиз-казаков, как говорили в конце XIX – начале XX вв., но этот термин был ещё не особенно в ходу.) С 1870 по 1880 гг. численность кочевого населения возросла на 66 тыс., в тяжёлые, голодные 80-е годы - на 9520 душ, с 1890 по 1900 - на 83 859 душ [13, с. 179].

Российский император и его бюрократия, генералы и чиновники, исходили из того, что каждое территориальное приобретение было навсегда. Обустройство новой территории включало в себя и создание образовательной системы, призванной приобщать новых подданных к государственному языку и базовым ценностям империи. Не забывало государство и про образовательные потребности своих «старых» подданных волею государя или по своей воле оказавшихся в Средней Азии. Учебные заведения открывались разного типа. Остановимся прежде всего, на тех, что предназначались для «туземного» населения.

В мае 1875 г. император Александр II утвердил «План устройства учебной части и народного образования в Туркестанском крае», который предусматривал учреждение школ для совместного обучения и воспитания русских и детей коренных национальностей, введение в программу мусульманских учебных заведений - мактабов и медресе преподавания русского языка и истории России. В 1868 г. русско-тузем-

ная школа была создана в Ташкенте, в 1870 – в Самарканде [1, с. 51].

Имеются сведения о том, что в 70-е годы XIX в. в уездных городах Акмолинской и Семипалатинской областей были учреждены специальные школы-интернаты для детей кочевников. Впоследствии они были преобразованы в низшие сельскохозяйственные школы. В Тургайской области первая двухклассная русско-киргизская (в переводе на современный язык это была русско-казахская школа) была открыта в 1879 г. В 1892 г. в этой области специально для кочевого населения стали создавать передвижные аульные школы [13, с. 172]. Для подготовки преподавательских кадров в регионе создавались учительские семинарии.

В начале XX в. в Средней Азии имелось довольно значительное количество мусульманских учебных заведений. В Сырдарьинской области 1809 мактабов и 49 медресе, в Самаркандской области 1680 мактабов и 69 медресе, в Ферганской области 1143 мактаба и 159 медресе, в Бухарском эмирате - 5 тыс. мактабов и 117 медресе, в Хивинском ханстве 1140 мактабов и 61 медресе [1, с. 51]. Помимо мусульманских учебных заведений в Средней Азии существовали еврейские школы – хедеры. Имеются сведения о длительной работе такой школы в Ташкенте.

Российское правительство взяло курс не на разрушение традиционной системы образования, а на встраивание её в новую систему, которая быстрыми темпами создавалась.

Помимо государственных учебных заведений открывались и частные. Так в 1900 г. было открыто русско-туземно-еврейское училище, оно поддерживалось на деньги еврейской общины. В 1903 г. было основано частное училище для мальчиков из семей «туземных» (то есть российских подданных) и бухарских евреев при синагоге на Чимкентской улице Ташкента [16, с. 181].

В конце XIX – начале XX в. среди образованных мусульман Средней Азии получило распространение реформаторское движение джадидизм. Наиболее заметные фигуры этого движения – Махмудходжа Бехбуди, Мунаввар Кары, Убайдулла Ходжаев, Абдулла Авлони, Тошпулатбек Норбутабеков, Абдурауф Фитрат, Шокиржон Рахими. Джадиды создали сеть новометодных школ – усули-джадид, в которых помимо основ ислама преподавались арифметика, геометрия, история, логика, география, русский язык, персидский и арабский. К 1911 г. были открыты 63 новометодные школы, в ко-

торых обучалось более 4100 человек [1, с. 53; 15, с. 20].

Согласно данным переписи 1897 г. и статистике Министерства народного просвещения одно среднее учебное заведение (гимназии, прогимназии, реальные и технические училища) приходилось в Средней Азии (9 областей) на 415 898 душ мужского населения, в Пензенской губернии одно заведение на 361 912 душ, в Симбирской 1 – на 369 900, в Остзейском крае одно на 61 105 душ.

Проверке в ходе специальных историко-статистических, экономических исследований подлежат цифры, приведенные в статье В. Михайлова и Н. Михайловой со ссылкой на «Туркестанские ведомости», говорящие о том, что в конце XIX в. в течение нескольких лет казна израсходовала на Туркестан 290 млн, а получила от него только 150 млн [11, с. 146].

В любом случае последние изыскания по истории жизни народов Средней Азии и Казахстана в Российской империи, сравнения их судьбы с судьбой северо-американских индейцев и многих народов Азии, находившихся под управлением европейских держав, всё более заставляют усомниться в правильности трактовки их существования в Российской империи как колониального.

Сложность данного момента в развитии историографии, посвящённой периоду нахождения Средней Азии в составе Российской империи, связана и с тем, что произошёл стремительный ввод в научный оборот огромного массива информации, ранее в советский период не подвергавшейся анализу.

Но этот вал информации, попав в фокус исследовательского интереса, очень часто в силу политических, институциональных и даже финансовых причин, оказался расчленённым в соответствии с государственной принадлежностью исследователя. На Западе идут похороны так называемого «национального романа», в Евразии же он обретает чрезмерную императивность.

Приходится признать неизбежность среднеазиатских «национальных романов», но, чтобы идеологии не загнали народы в тупик национальной нетерпимости и вражды, необходимо развивать параллельно и в определённой степени в противовес научную, максимально объективную историю огромного евразийского региона, включая исключительно важный период пребывания Казахстана и Средней (Центральной) Азии в составе Российской империи.

Список литературы

1. Абдурахимова Н.А. Основные направления российско-среднеазиатских отношений в сфере образования во второй половине XIX – начала XX вв. // История: проблемы объективности и нравственности. Материалы научной конференции. Ташкент, 2003.

■ Критические исследования

2. Арапов Д.Ю. «Не посягать на религию и не стеснять обычаев. Генерал Чингис-хан и «мусульманский вопрос» // Родина. 2004. №2. С. 70-72
3. Бакунин М.А. Избранные сочинения. Т. 3. Петроград – Москва: книгоиздательство «Голос труда», 1920.
4. Белоглазов А.В. Формирование политики России в Центральной Азии. Казань: Казанский университет, 2011.
5. Брусиллов А.А. Мои воспоминания. Минск: Харвест, 2003.
6. Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909 – 1910. М.: Молодая Гвардия, 1991.
7. Зиновьев М. Осада Ура-Тюбе и Джизага. Воспоминания об осенней экспедиции 1866 года в Туркестанской области // Царская колонизация в Казахстане. По материалам русской периодической печати XIX века. Алматы: Рауан, 1995.
8. Иванов А. Русская колонизация в Туркестанском крае // Царская колонизация в Казахстане. По материалам периодической печати XIX века. Сост. Ф.М. Оразаев. Алматы: Рауан, 1995.
9. Ленин В.И. К русскому пролетариату // Полное Собрание сочинений. Т. 8. М.: Издательство политической литературы, 1972.
10. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полное Собрание сочинений. Т. 25. М.: Издательство политической литературы, 1973.
11. Михайлова Н.В., Михайлов В.А. Была ли царская Россия «тюрьмой народов»? // Свободная мысль. 2013. №6 (1642). С.143-162
12. Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог, 1997.
13. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под общ. рук. П.П. Семёнова. Том XVIII. Киргизский край. СПб., 1903.
14. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: КМК, 2012.
15. Худайкулов А.М. Просветительская деятельность джадидов Туркестана (конец XIX – начало XX вв. Ташкент, 1995.
16. Шевяков А.И. Евреи Ташкентской области в конце XIX – начале XX века // Евреи в Средней Азии: вопросы истории и культуры. Ташкент, Изд-во «Фан» АН РУз, 2004.
17. Brown D. Bury My Heart at Wounded Knee. An Indian History of the American West. N-Y., 2001.
18. Куропаткин А.Н. 70 лет моей жизни. Из воспоминаний генерал А.Н. Куропаткина. 1867-1882 гг. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Kuropatkin_A_N/text1.htm (проверено 18.08.2016 г.)

Об авторе

Кожокин Евгений Михайлович – д.и.н., профессор, проректор МГИМО МИД России по научной работе.

THE RUSSIAN STATE, LENIN AND THE CENTRAL ASIA

E.M. Korzhokin

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Central Asian nations faced a challenge of state-building objectives after the collapse of the USSR. However, it was a complicated task, because those nations were parts of the Russian and, lately, the Soviet state. State-building objectives include the creation of new historical narrative.*

Central Asia is now experiencing the process that is called "national novel" in the Western European historiography. Central Asian national variants of historical narratives serve as a conceptual basis for the writing of school and university textbooks. The introduction of ideological constructs through the education system is carried out everywhere. However, it is important to note that inevitable ideological indoctrination should not undermine scientific essence of textbooks.

Politics of nation formation and the preservation of its identity is implemented and fostered by states carefully as well as clumsy. There is no doubt that there is an inevitable and practical need for constructing "national novel" in the new states. But historical politics should not ignore some of the methodological and at the same time mental traps that exist in the field of studying the history of the peoples of Central Asia in the period of the Russian Empire.

Key words: Central Asia, national novel, historiography, historical policy.

References

1. Abdurahimova N.A. Osnovnye napravleniia rossiisko-sredneaziatskikh otnoshenii v sfere obrazovaniia vo vtoroi polovine 19 – nachala 20 vv. [Main directions of Russian-Central Asian in the educational system in 1850-1910]. *Istoriia: problemy ob"ektivnosti i npravstvennosti*. Materialy nauchnoi konferentsii. Tashkent, 2003.
2. Arapov D.Ju. Ne posiagat' na religiiu i ne stesniat' obychaev. General Chingis-khan i «musul'manskii vopros [Don't touch our religion and don't oppress traditions. General Chingis-khan and muslim problem]. *Rodina*. 2004. №2. P. 70-72.
3. Bakunin M.A. *Izbrannye sochineniia*. [Selected works]. Vol. 3. Petrograd – Moskva: knigoizdatel'stvo «Golos truda», 1920.
4. Beloglazov A.V. *Formirovanie politiki Rossii v Central'noj Azii* [Evolution of Russian policy towards Central Asia]. Kazan': Kazanskii universitet, 2011.
5. Brusilov A.A. *Moi vospominaniia* [My recollections]. Minsk: Harvest, 2003.
6. *Vehi. Intelligencija v Rossii*. Sborniki statei. 1909 – 1910. Moscow: Molodaia Gvardiia, 1991.
7. Zinov'ev M. *Osada Ura-Tiube i Dzhizaga. Vospominaniia ob osennei ekspeditsii 1866 goda v Turkestanskoj oblasti* [The siege of Ura-Tjube and Dzhizag. Recollections about Turkmenistan expedition of 1866]. Tsarskaia kolonizatsiia v Kazakhstane. Po materialam russkoi periodicheskoi pečati 19 veka. Almaty: Rauan, 1995.
8. Ivanov A. *Russkaia kolonizatsiia v Turkestanskom krae* [Russian colonization of Turkestan]. Tsarskaia kolonizatsiia v Kazakhstane. Po materialam periodicheskoi pečati 19 veka. Sost. F.M. Orazhev. Almaty: Rauan, 1995.
9. Lenin V.I. K russkomu proletariatu [To Russian workers]. Polnoe Sobranie sochinenii. Vol.8. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1972.
10. Lenin V.I. *O prave natsii na samoopredelenie* [On nations right to self-determination]. Polnoe Sobranie sochinenij. Vol. 25. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1973.
11. Mikhailova N.V., Mikhailov V.A. Byla li tsarskaia Rossiia «tiur'moi narodov»? [Was Russia the prison for nations?] *Svobodnaja mysl'*. 2013. №6 (1642). P.143-162.
12. Natsional'nye okrainy Rossiiskoi imperii. Stanovlenie i razvitie sistemy upravleniia [National borderland in Russian Empire. Evolution of public administration]. Moscow: Slavianskii dialog, 1997.
13. Rossiia. Polnoe opisanie geograficheskoe nashego otechestva [Full geographical account of Motherland]. Ed. by P.P. Semenova. Vol 18. Kirgizskii kraj. Saint-Petersburg, 1903.
14. Sergeev E.Ju. Bol'shaia igra, 1856-1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Azii [Great game: myths and reality of Russian-British relations over Eastern and Central Asia, 1856-1907]. Moscow: KMK, 2012.
15. Khudaikulov A.M. Prosvetitel'skaia deiatel'nost' dzhadidov Turkestana (konets 19 – nachalo 20 vv [Educational activities of djadids in Turkestan]. Tashkent, 1995 P.20
16. Sheviakov A.I. Evrei Tashkentskoj oblasti v kontse 19 – nachale 20 veka [Jews of Tashkent region in 1890-1910]. *Evrei v Srednei Azii: voprosy istorii i kul'tury*. Tashkent, Izd-vo «Fan» AN RUz, 2004.
17. Brown D. Bury My Heart at Wounded Knee. An Indian History of the American West. – N-Y., 2001.
18. Kuropatkin 70 let moei zhizni. Iz vospominanii general A.N. Kuropatkina. 1867-1882 gg. [70 years of my life. Recollections of general A.N. Kuropatkin]. 1867-1882 URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Kuropatkin_A_N/text1.htm (accessed 18.08.2016)

About the author

Eugeniy M. Korszokin – Doctor of History, Professor, Deputy Rector at MGIMO-University for scientific work.